

УДК 792.78:929
ББК 85.335.43(2)6-8
Ш75

Ответственный редактор *Елена Толкачева*

Дизайн серии *Андрея Фереза*

Литературная запись *Альбины Даниловой*

Предисловие *Галины Гладштейн*

В оформлении книги использованы фотографии
из архивов автора и *Галины Гладштейн*

Книга издана при участии *Нелли Тихомировой* и *Павла Соседова*

Шмыга, Татьяна Ивановна.

Ш75 *Счастье мне улыбалось / Татьяна Шмыга ; предисл. Г. Гладштейн. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с., [32 с. ил.]. — (Зеркало памяти).*

ISBN 978-5-17-114711-2

Образы героинь, созданные Татьяной Шмыгой (1928–2011) на сцене Московского театра оперетты, не забудутся никогда. Их помнят по спектаклям «Фиалка Монмартра», «Поцелуй Чаниты», «Цирк зажигает огни», «Девичий переполох», «Моя прекрасная леди», «Катрин», «Джулия» и многим другим.

Оперетта — уникальный жанр, предъявляющий артисту особые требования: петь, как оперный певец, танцевать, как солист балета, играть, как драматический актер. При этом иметь привлекательную внешность и неотразимое обаяние. Именно этот сплав и рождает примадонну. А неоспоримой примои российской оперетты долгие годы была Татьяна Шмыга. В своей книге она рассказала о Театре оперетты второй половины XX века, о его взлетах и падениях, об известных актерах, среди которых Герард Васильев, Александр Горелик, Владимир Канделаки... И конечно же, о себе, своей судьбе и работе, без которой просто не могла жить.

УДК 792.78:929

ББК 85.335.43(2)6-8

ISBN 978-5-17-114711-2

© Т.И. Шмыга (наследник), 2019

© Г.В. Гладштейн, предисловие, фото, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Подарок судьбы

Мое увлечение фотографией неразрывно связано с театром. Наверное, я бы не взяла в руки фотоаппарат, не появилась в моей жизни Татьяна Ивановна Шмыга, которую хотелось запечатлеть во всех ее сценических воплощениях.

Первый раз я увидела знаменитую актрису в спектакле «Поцелуй Чаниты», потом в «Севастопольском вальсе» и была потрясена ее игрой. Даже сегодня, много лет спустя, когда вспоминаю ее выход на сцену в «Севастопольском вальсе» во втором отделении с песней «Девушки-бойцы», у меня на глаза наворачиваются слезы. Она играла и пела гениально. Все зрители в зале плакали.

Я стала посещать все спектакли с участием Шмыги и много фотографировать ее. Когда накопился качественный фотоматериал, сделала альбом для Татьяны Ивановны по спектаклю «Девичий переполох». Благодаря моей знакомой билетерше из театра я встретила с актрисой. Шмыга смотрела альбом внимательно и комментировала некоторые фотографии: «Ой, как это хорошо, и это — замечательно!» Закончив, сказала: «Знаете, Галочка, посмотрев ваши фотографии, можно на спектакль уже не ходить. А вы принесли альбом мне в подарок или просто показать?» Конечно, это был мой подарок. Так началось наше общение — это был 1968 год, и наша дружба продолжалась больше сорока лет, до конца ее жизни.

Однажды Татьяна Ивановна узнала, что я еще и шить умею. А для Шмыги наряды играли особую роль. Не случайно она слыла одной из самых стильных актрис в стране. Некоторые сценические наряды я ей шила с нуля. И все платья и костюмы, которые Татьяна Ивановна приобретала в магази-

нах, мы с ней всегда дорабатывали. Один из таких нарядов мне запомнился на всю жизнь. В начале 90-х некий крупный бизнесмен выкупил на Неделе моды в Париже целую коллекцию платьев и привез в Москву. Он пригласил нескольких знаменитых актрис, в том числе Татьяну Шмыгу и Майю Плисецкую, и предложил им выбрать в подарок по три наряда. Среди прочих Шмыге очень понравился красивый черный кружевной костюм. Он стоил огромных денег, по тем временам можно было купить три машины. Татьяна Ивановна его примерила и расстроилась: он оказался маловат. Надеюсь, что я смогу костюм переделать, она все же взяла. Я хотела отказаться: а вдруг испорчу его? «Не страшно, — был ответ, — я тебе доверяю». И действительно, все получилось хорошо.

Моей любимой опереттой была «Фиалка Монмартра». Роль Нинон стала визитной карточкой Татьяны Ивановны Шмыги. Даже на памятнике она изображена на фоне занавеса в костюме из номера «Карамболина». Исполнение этой песни и задорного танца являлось настоящим фейерверком: красно-черное платье, шикарный балет на втором плане и канкан Татьяны Ивановны, ставший знаменитым. Зал всегда неистовствовал после этой сцены, поэтому она выходила на «бис» по два-три раза. По окончании танца на сцену всегда летели цветы. Однажды во время «Карамболины» у нее одна туфля слетела с ноги и, минуя оркестровую яму, упала в партер. Шмыга лишь задорно рассмеялась и дотанцевала номер без туфли.

Постепенно наши отношения стали практически родственными. Вместе с ней я много раз ездила на гастроли. Она меня брала в качестве костюмера-гримера. Так как я фотографировала, то хорошо видела все недостатки прически, платья, грима и быстро могла их исправить. По специальности инженер, я работала в московском НИИ приборостроения и, чтобы без ущерба для работы выезжать с Татьяной Ивановной, мне приходилось накапливать отгулы за счет переработок.

Когда Татьяна Ивановна вышла замуж за Анатолия Кремера, она стала принимать участие в концертах, которые давал его оркестр. Это еще больше способствовало ее популяр-

ности, как и телевизионные бенефисы «Нет меня счастливее» и «Свидание назначила Татьяна Шмыга», на съемках которых я была и фотографировала.

Когда для телевидения снимали оперетту «Граф Люксембург», получилось так, что съемки одной из сцен были разбиты на два дня. А это означало, что на следующий день волосы надо было уложить ровно так, как накануне. И Татьяна Ивановна придумала. Позвонив мне в 11 часов вечера, она попросила: «Гая, напечатай, пожалуйста, до завтра мои сегодняшние портреты». Пришлось ночью проявлять, закреплять, печатать, сушить. А утром я принесла в телестудию снимки, и гример, глядя на них, уложила Татьяне Ивановне локоны...

Помню, когда Алла Николаевна Баянова приехала в СССР, она произвела на советской эстраде настоящий фурор! Ее репертуар, голос и уникальная манера исполнения моментально покорили миллионы зрителей. Татьяна Ивановна тоже была в восторге от Баяновой. И я пригласила Шмыгу на концерт Аллы Николаевны в ЦДРИ. Воздействие певицы на публику было, как всегда, магическим. Но когда Алла Николаевна спела пронзительную песню «Я тоскую по Родине», Шмыга не выдержала и поднялась на сцену. Ее так растрогала эта песня, что она в эмоциональном порыве встала перед Баяновой на колено и сказала: «Алла Николаевна, я вами просто потрясена», — и протянула цветы. Это был настолько неожиданный и трогательный порыв со стороны Татьяны Ивановны, что Баянова растерялась, а зрители долго аплодировали. Артистки обнялись и расцеловались. С тех пор они стали приятельствовать.

У Татьяны Ивановны была очень тонкая и трепетная душевная организация, она обладала удивительной способностью сострадать человеку, отзываться на чужие проблемы. Не раз помогала она и мне в сложных ситуациях.

В свое время Виталий Вульф вел передачу «Серебряный шар», где рассказывал о выдающихся артистах. Ему как-то задали вопрос: «А почему вы о Шмыге не делаете программу?» И он ответил примерно следующее: «А у нее нет интересных историй, у нее очень гладкая жизнь и карьера, нету драматур-

гии». Со стороны так оно и выглядело. Даже Кремер говорил: «Таня, ты идешь по своей жизни, как по зеленой дорожке. Тебе все дается». Она ответила: «Да, счастье мне улыбалось». Сама за себя актриса никогда не просила, люди и роли сами к ней приходили. И она работала — хорошо, честно, с полной самоотдачей. Вроде бы у нее и гладкая жизнь, но тогда откуда в этой женщине взялись такой душевный трепет, тонкий музыкальный талант, мощный и правдивый актерский дар?

Возможно, за свою гладкую, успешную и во многом счастливую жизнь Татьяне Шмыге пришлось расплатиться тяжелым трагическим уходом. Болезнь развивалась постепенно. Начали болеть ноги, нарывал палец, не заживал практически год, а она, не обращая внимания на боль, продолжала во всех своих спектаклях танцевать. Криком кричала, надевая туфли. С этой болью встретила и свой юбилей — 80-летие, который прошел просто блестяще, никто ни о чем даже не догадался — так легко она двигалась на сцене, в финале исполнила на «бис» «Карамболину».

В апреле 2010 года Татьяна Ивановна оказалась в больнице: стала развиваться гангрена. В начале сентября врачи предложили ампутировать ногу, что прозвучало как приговор. Ей пришлось согласиться на эту страшную операцию, но, к сожалению, это не спасло, а лишь продлило жизнь на полгода. Для всех нас тот период был очень тяжелым.

В свой день рождения 31 декабря Татьяна Ивановна была в больнице, и мы пришли ее поздравить. Она чувствовала себя более-менее стабильно. А второго января ее состояние ухудшилось. Мы приехали к ней, и она стала с нами прощаться и просить прощения. Через месяц с ней уже прощались мы и вся страна.

Сегодня для меня любовь и тепло Татьяны Ивановны хранят тысячи фотографий, которые живут в моих альбомах, подписанных ее рукой.

Галина Гладштейн

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Как-то во время одного интервью меня спросили: «Чего в жизни вы боитесь больше всего?» Я ответила, что самое страшное для меня — это терять близких, друзей... Таких потерь, увы, пришлось пережить немало. Дорогие тебе люди уходят, и ты с особой остротой начинаешь понимать, что они значили в твоей жизни...

У меня на столике около кровати всегда стоит фотография мамы и папы. Их давно уже нет, но они всегда со мной. Каждое утро, глядя на их фото, я здороваюсь с ними и каждый вечер говорю им мысленно: «Спокойной ночи, дорогие...» И не перестаю себя корить, что при их жизни отдала не все, чего они заслужили, а лишь малую часть. Когда я начала работать над книгой воспоминаний, мои первые мысли были о родителях. У них я попросила благословения на непростое для меня дело. И первые страницы этой книги будут о них.

Мои родители были люди просто замечательные — красивые, добрые. И очень дружные: их отношения между собой — одно из самых светлых моих воспоминаний.

В детстве я мало знала о своих корнях. Так сложилось, что мы с братом выросли без бабушек и дедушек. Дед со стороны папы умер, когда папе было всего шесть лет, а мамин отец умер, когда ей едва исполнилось восемь. Так что дедов своих я знать не могла. А из бабушек я помню, и то не очень хорошо, только одну — мамину маму, бабушку Наташу. Она умерла, когда я была совсем маленькой.

По рассказам мамы я знаю, что мой дед Григорий работал в Москве десятником на строительстве церквей. Одной из последних его построек был большой Богоявленский храм в Дорогомилове, который начали возводить на пожертвования верующих в 1898 году на месте старой церкви. Сумму собрали значительную, так что храм построили очень большим — в нем могли одновременно молиться около 10 тысяч человек. Богоявленская церковь была в Москве второй по величине после храма Христа Спасителя.

Дедушка Григорий еще участвовал в водружении над новой церковью креста, а вот до окончания отделки храма он не дождался. Как вспоминала мама, церковь Богоявления была большая, белая. В 1932 году именно в ней отпевали бабушку Наташу, которая перед своей кончиной жила в Дорогомилове.

Через шесть лет красавец храм разрушили и на его месте построили большой серый жилой дом с огромными окнами-витринами (это на углу Большой Дорогомиловской и 2-й Брянской улиц). Как в жизни все переплетено: в этом доме, на месте храма, построенного моим дедом, теперь живет моя приятельница...

Мама рассказывала, что она запомнила, как деду Григорию привозили на дом мешки с деньгами — для выплаты строительным рабочим, которыми он руководил. И удивительное дело — рабочие не хотели брать за свой труд металлические деньги, а просили расплачиваться с ними бумажными ассигнациями, потому что тяжелые монеты протирали им карманы, а «бумажки» были легкими. Знали бы они, какую большую ошибку совершают: через десять лет бумажные деньги потеряют всякую ценность, а рубли царской чеканки впоследствии будут так цениться за содержание в них драгоценного металла. Их потом еще долго хранили в некоторых семьях — на черный день. Мама говорила: «Я так и вижу эти мешки с золотыми монетами». Теперь этим рублям и червонцам цены бы не было...

После смерти мужа бабушка Наташа осталась одна с шестью детьми: у мамы были еще сестра и четыре брата. Один из них утонул совсем молодым, а трое других погибли во время Великой Отечественной войны. Став вдовой, бабушка не растерялась. Судя по всему, была она женщина энергичная, потому что открыла небольшой трактир в своем доме на Нижегородской улице, в районе Абельмановской (тогда она называлась Покровской) заставы.

Бабушка хоть и имела «свое дело», но жила с детьми стесненно — все помещались в небольших комнатках позади трактира. Конечно, в доме со стороны двора имелись всякие пристройки и чуланчики, но они были предназначены для хозяйственных нужд. Бабушка держала там и птицу. И вот однажды с ее гусями произошел невероятный случай. Тогда во многих семьях было принято делать домашние настойки и наливки из всевозможных ягод. Делала их и бабушка Наташа — заполняла вишней большие высокие бутылки, которые назывались четвертями, насыпала сверху сахар и ставила их бродить. Одна из таких бутылей со временем оказалась негодной — перестояла, вишни в ней прокисли, и их выбросили на помойку.

Утром, выйдя во двор, бабушка увидела, что все ее гуси лежат бездыханными, и решила, что они неизвестно отчего подошли. Использовать в пищу падшую птицу нельзя, и тогда подумали, что пусть хоть перья и пух от этих гусей пойдут в дело. Птиц ощипали, и тут — о ужас! — гуси вдруг стали шевелиться, приходить в себя. Оказалось, что они, наклевавшись пьяной вишни, просто настолько опьянели, что их приняли за мертвых... Так потом эти гуси и ходили по двору ощипанными...

Достаток в бабушкиной семье был, что и говорить, весьма относительный, но она смогла одна, без чьей-либо помощи, поставить детей на ноги, пока они не стали жить самостоятельной жизнью. Всех своих детей бабушка Наташа приучила к труду. И моя мама уже с восьми лет помога-

ла ей по дому и в трактире. Потом она и меня так же воспитывала: с детства внушала, что я должна многое уметь делать дома. Мама говорила мне: «Неизвестно, как сложится жизнь. Сначала научись все делать, а барыней всегда сможешь побыть...»

В конце двадцатых годов, когда в стране наметился «великий перелом», переход к строительству социализма, к коллективизации, прежнюю программу «новой экономической политики» (нэп) свернули и начали притеснять частных предпринимателей, собственников. Под эту кампанию попала и бабушка: у нее отняли трактир, а ее выслали из Москвы в городок Александров. Родители отправили меня вместе с ней — поближе к природе, из пыльного города на свежий воздух. Потом бабушке Наташе удалось вернуться в Москву и она какое-то время жила с нами, а почти перед самой кончиной — у своих сестер в Дорогомилове. Там у них был собственный домик, в котором они все жили: бабушка по рождению была из Дорогомилова. Она и три ее сестры — Елена, Полина, Анна — были очень красивыми. Но среди них выделялась тетя Лена, или Леля, как ее звали родные, она была просто настоящей красавицей. Моя мама внешностью пошла в свою мать и теток.

С жизнью в Александрове связан не самый радостный эпизод в жизни нашей семьи — там я чуть не утонула. Дом, где мы жили с бабушкой, стоял на взгорье, а внизу текла речушка. Была она мелкая, дно ровное, и только у противоположного берега какой-то провал — что-то вроде канавы. Глубина была настоящая, и там даже ловили рыбу. В один из дней бабушка сидела на высоком берегу, что-то вязала, а я на ее глазах плескалась на мелководье. И как-то так случилось, что я незаметно очутилась около этой подводной канавы и скатилась в нее. Плавать в то время я, естественно, не умела — мне было всего четыре года. Бабушка увидела, что я уже почти скрылась под водой. Сделать в той ситуации

она ничего не могла: прыгнуть в речку с высокого берега ей было не под силу, поскольку бабушка была сердечницей (как и моя мама потом). К счастью, на противоположном берегу сидел какой-то мужчина с сыном и удил рыбу. Услышав бабушкины крики, рыболов оторвал взгляд от своего поплавка и стал оглядываться, не понимая, в чем дело. Увидел только, что из воды торчит какой-то бант... Вот за этот бант они с сыном меня и вытащили...

Что касается папиной родни, то лишь относительно недавно я узнала точно, что они из Польши. В конце 80-х годов мы с театром были на гастролях в Ленинграде. Наши спектакли шли на сцене зала «Октябрьский». И вот в один из вечеров, когда я после выступления выходила на улицу, около служебного подъезда ко мне подошла высокая девушка. «Это вы Шмыга? — Незнакомка говорила по-русски, но с явным акцентом. — А я внучка сводной сестры вашего отца. Когда-то он просил бабушку прислать ему его метрику». И девушка протянула мне какой-то документ.

Поговорить подольше у нас не получилось — она куда-то торопилась. Моя польская родственница, оказавшаяся двоюродной племянницей, успела только сказать, что ее бабушка (моя тетя) жива, а сама она студентка, приехала в Ленинград учиться в медицинском институте.

В свое время папа действительно просил свою сводную сестру прислать ему метрику. В паспорте он писался русским, хотя знал, что их семья приехала в Москву из восточных областей Польши, из Западной Белоруссии. Наша фамилия казалась ему странной. Он говорил: «Не пойму, откуда она у меня? Почему я Иван Шмыга? Не было у нас такой фамилии. У нас в роду, насколько я помню, были Козловские, Мицкевичи...» На что мама, а она была у нас остроумная, с большим чувством юмора, отвечала: «Да не примазываясь ты к великим! Что же теперь делать? Проживем и с фамилией Шмыга...»

И вот теперь в метрике отца я смогла прочитать, что он «Ян Мицкевич, сын Артемия и Ксении... поляк... родился в 1899 году...» Было указано и место рождения — деревня Миклаши Белостоцкого уезда... И печать на документе, очевидно, церковная... Не дождался папа этой метрики...

Как папа, его братья и сестра Ефросинья оказались в Москве? Когда началась Первая мировая война, их семья, спасаясь от наступавших немцев, в 1915 году решила бежать из Польши, которая тогда была частью Российской империи, в Москву. К тому времени бабушка Ксения уже второй раз была замужем, имела дочь. Когда стало возможно, она с этой дочерью (имени ее я не помню) в 1916 году вернулась на родину, сыновья же и старшая дочь Фрося решили остаться в Москве. А вскоре события начали развиваться так, что семья оказалась разделена границей: Польша стала самостоятельным государством.

Отношения Советского Союза с Польшей были тогда далеко не безоблачными, так что папа с братьями и думать не могли о том, чтобы переписываться с матерью и младшей сестрой — не те были времена и условия. Долгое время бабушка Ксения и ее сыновья ничего не знали друг о друге. Лишь в 1939 году, когда Западная Белоруссия стала частью СССР, появилась возможность переписываться: теперь все были гражданами одной страны. Тогда-то, наверное, папа и попросил свою сводную сестру прислать ему метрику. Но начавшаяся вскоре война прервала их переписку.

Она смогла возобновиться лишь после войны, да и то не сразу. Моя польская тетя писала папе: «Ваня, приезжай к нам. Здесь у тебя есть земля...» Но в первые послевоенные годы поехать в Польшу было непросто. За это можно было поплатиться: как же, родственники, оказавшиеся на временно оккупированной территории, а теперь еще и за границей! Но даже когда после смерти Сталина у нас в стране начались некоторые послабления, да и Польша

к тому времени стала считаться социалистической страной, папа так и не собрался, хотя мысли о поездке к матери и сестре не оставлял. А моя мама шутила: «Куда же я тебя отпускаю? Там у тебя столько родни! Как начнут принимать, угощать... Тебя потом и не докличешься...» Так папа и не съездил в Польшу, где его ждала метрика... Теперь она хранится у меня...

Судьба у папы была нелегкая — он в жизни всего добивался сам. Еще в Польше, в детстве, был пастушонком у богатых хозяев. Когда в шестнадцать лет он оказался в Москве, то сначала стал работать в мастерской у одного известного тогда в городе часовщика. Потом устроился помощником машиниста паровоза на Нижегородской ветке железной дороги, а потом и сам стал машинистом. В те времена профессия железнодорожника была очень почетной. Впоследствии, уже в годы Гражданской войны и разрухи, именно благодаря работе на паровозе папа мог по дороге покупать какие-то продукты, чтобы хоть как-то прокормиться, потому что в Москве было голодно и купить ничего нельзя.

Папа всегда мечтал учиться. От природы он был очень способным, быстро все усваивал. Это стремление к знаниям и привело его потом на рабфак. Меня всегда поражало, что папа, не получивший в детстве и юности систематического образования, писал без единой ошибки — видимо, у него была врожденная грамотность. А возможно, что у него были и какие-то нераскрывшиеся лингвистические способности, предрасположенность к языкам. Ведь рождаются же люди гуманитариями. И не важно, каким делом они потом занимаются в жизни. Удивительно, но и почерк у папы был каллиграфический, хотя чистописанию он не обучался. Говорил папа на хорошем, правильном русском языке. Я привыкла к этому с детства, поэтому мне сейчас так режет ухо тот жуткий язык, который слышу порой